

С.В. Сомова¹

Академия для одаренных детей (Наяновой), г. Самара

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СТЕПАНОВ, А. ОЧЕРКИ
ПОЭТИКИ И РИТОРИКИ АРХИТЕКТУРЫ. – МОСКВА:
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2021. – 704 С.**

Новая книга авторитетного петербургского историка искусства, знатока итальянского Ренессанса и специалиста по истории искусства и архитектуры и градостроительства, автора многих книг и статей, профессора Александра Викторовича Степанова уже в своем названии указывает на особый авторский подход к искусству архитектуры. Автор формулирует свое кредо: «Я хочу, чтобы архитектура как область зрительного переживания была живой речью» [Степанов, 2021, с. 656].

«Выбрав по нескольку самых интересных» для него произведений из большого ряда представленных им жанров, А.В. Степанов поставил своей целью «погружаться в ситуации их создания, чтобы понять и показать, как их архитекторы, подобно риторам, искусственным в поэтике того или иного жанра, стремились овладеть душами своих современников» (с. 9).

Читатель вместе с автором действительно погружается в творческую мастерскую авторов многочисленных произведений искусства разных эпох, чтобы ощутить неповторимость каждого из них, почувствовать эстетическую ауру памятника, за которой стоит личность художника, история его творческих уси-

¹ Светлана Владимировна Сомова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Академии для одаренных детей (Наяновой), г. Самара.

лий от замысла к осуществлению. Каждый памятник увиден здесь в пространстве определенной среды – пространства конкретного города, площади, улиц, и вместе с тем это пространство конкретного образа жизни людей, их исторического бытия с его действующими лицами, именами, настроениями и духовной ситуацией. Архитектор предстает как художник, ищущий способы решения стоящих перед ним творческих проблем. Нам дается возможность как бы своими глазами увидеть произведение архитектуры, с разных сторон, издали и по мере приближения к нему, осматривая его профессионально описанное внутреннее устройство, при этом не очень нуждаясь в иллюстрациях, которых и нет в книге. Может быть, в этом и состоит замысел автора – позволить читателю увидеть не только непосредственно зримое произведение, но и его как бы внутренний облик, обращенный к душе современника.

В книге А.В. Степанова рассказывается о произведениях архитектуры различных жанров (сознательно используемый автором термин) архитектуры, начиная от «адаптивной строительной деятельности» (с. 11), святилища, погребальных сооружений, памятников, дворцов, замков, вилл, городских особняков и так далее – всего 17 глав, состоящих из относительно небольших главок, посвященных отдельным сооружениям прошлого и настоящего. В указателе описанных памятников (9 страниц мелким шрифтом!), включающим также неосуществленные проекты и сделанным по городам (что интересно – читатель может по разработанному им самим маршруту совершить большое путешествие, составив себе определенное представление об архитектурном облике города); здесь лишь перечислены все разобранные на 700 страницах книги архитектурные строения. Например, главка «Оперный театр барокко» занимает 12 страниц, главка «Палаццо Публико и Палаццо Веккьо» – 10 страниц, «Жилой дом Наркомфина» – 15 страниц.

Сочетание энциклопедических знаний ученого, умеющего объяснить все тонкости инженерной и эстетической организации произведения и живой, личной интонацией «нормального человека», рассматривающего постройку как целое и в некоторых деталях – интересно для изучения восприятия произведения искусства. «Нормальный человек» видит и воспринимает в архитектурном строении меньше специалиста по архитектуре, который умеет видеть и целое, и детали, понимает замысел архитектора, оценивает его исполнение и т.д.. Но взгляд неискушенного в искусстве человека, который впервые видит данный памятник, содержит что-то, позволяющее ему воспринять целое и детали и вынести из этой встречи с памятником некое целостное впечатление, обладающее качествами непосредственности. И это впечатление ценно, и если оно достаточно сильно и эмоционально, то будет сохраняться и при последующем восприятии памятника. Если заявленная задача ученого – понять произведение архитектуры как «живую речь», обращенную «просто» к человеку, ему важно не потерять такое просто чувственное, целостное впечатление от произведения архитектуры. Элементы представления такого рода восприятия памятника постоянно присутствуют на стра-

ницах книги Александра Викторовича Степанова. Автор приобщает читателя к более глубокому эстетическому восприятию памятника: то, что он объясняет профессионально, человек почувствует и поймет, вникая в детали и вместе с автором размышляя о том, что он видит.

А.В. Степанов по-своему использует понятия поэтики и риторики, полагая, что он как бы заимствует их из филологии. Стремясь открыть возможность памятнику архитектуры «заговорить», он обеспокоен тем, что «метафора „архитектурной речи“ может навести на семиотические размышления об „языке архитектуры“», и поэтому полагает, что, «говоря об архитектуре, надо идти от речи не к семиотике, а к филологии, к теориям красноречия» (с. 656). Понятно дистанцирование А. Степанова от семиотики, ведь семиотика как ключ к пониманию системы языка внелична. Конечно, филологию и понятие поэтики архитектор и ученый понимает по-своему. Так в начале его труда читаем: «Поэтика устанавливает свойства, присущие произведениям определенных жанров, – риторика учит умению убеждать. Поэтика систематизирует правила построения и свойства законченных произведений», «предлагает нормативные, отвлеченные от творческих индивидуальностей образцы для подражания» (с. 7). Это почти классическое понимание нормативной поэтики как правил построения произведений определенных жанров, сложившееся в античной и частично в средневековой культуре и присущее формам искусства эпох традиционалистской культуры примерно до середины XVIII века. Отношение к художественному творчеству было связано в те эпохи с представлениями о непререкаемой ценности древних образцов, подражание которым обеспечивало достижение совершенства исполнения и глубины смысла произведения. Риторика в те эпохи также создавала нормы и образцы сначала ораторской речи с ее задачами убеждать, а в искусстве учила логичному построению художественного высказывания и правильному использованию фигур речи, так как задачей искусства мыслилось изображение идеала. С переходом европейских культур к эпохе модерна как эпохе индивидуального творчества и индивидуального понимания, притяжения или непритяжения традиционного идеала, поиска новых ценностных ориентаций во всем, такого рода представления о поэтике и риторике остались в учебниках, в практике же отныне свободного творчества понятие «поэтика» в литературоведении постепенно стало соотноситься именно с индивидуальными творческими решениями, позволяющими создать неповторимый художественный мир, все устройство которого выражает индивидуальное видение и понимание человека и мира. Понятие риторики поэтому потеряло свою актуальность, а понятие поэтики стало в XX веке понятием, указывающим на содержательность художественной формы, на смыслы форм, создаваемых художником. Эти формы могут быть носителями как раз самого глубокого содержания произведения.

Когда Александр Викторович Степанов в последних строках своей книги говорит, что «возможны поэтики архитектурных жанров, но не поэтика архитектуры в целом» (с. 681), то он приближается к современному пониманию поэтики

литературного произведения, во многом даже и жанра, который художник двадцатого века, однако, пересоздает, чтобы заставить его высказать современное понимание проблематики, в свое время закрепленной за определенным литературным жанром. Творчество архитектора жестко ограничено функциональным назначением, жанром постройки, волей заказчика и возможностями материала, его техническими, инженерными возможностями, с учетом которых и в системе заданных условий он находит и принимает свои индивидуальные решения – мы бы сказали – на уровне конкретной поэтики работы с жанром. На наш взгляд, это именно то, что и имеет в виду А. Степанов, анализируя памятники архитектуры в том числе прошлого, когда художник творил в рамках заданностей стиля, но вместе с тем вносил свое понимание этого стиля и жанра, делая это на уровне поэтики его произведения, понятой им как выражение его творческого видения. Риторические приемы, акценты, безусловно, могут играть свою роль в архитектуре, но основная сила воздействия произведения на эстетическое восприятие усиливается по мере того, как человек начинает видеть в поэтике произведения результаты творческих решений, когда мы видим поэтику решения архитектурного пространства как структурно воплощенную творческую деятельность художника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Степанов, А. Очерки поэтики и риторики архитектуры / А. Степанов. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 704 с.

REFERENCES

Stepanov, A. Ocherki poetiki i ritoriki arhitektury / A. Stepanov. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. – 704 s.